

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН им. А. М. ГОРЬКОГО

ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
И 90

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Общее руководство:

В. М. Гуминский, В. Б. Катаев, А. Б. Куделин, Ф. Ф. Кузнецов, М. Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

*А. В. Архангельская (ученый секретарь), А. С. Демин (отв. ред.),
В. М. Кириллин, А. А. Пауткин*

Авторский коллектив:

*А. В. Архангельская, О. В. Гладкова, А. С. Демин, А. А. Илюшин,
Ф. С. Капица, В. М. Кириллин, М. А. Коротченко, М. Ю. Люстров,
Д. С. Менделеева, А. А. Пауткин, А. М. Ранчин*

И 90 История древнерусской литературы: Аналитическое пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Ин-т мировой лит-ры РАН им. А. М. Горького; Отв. ред. А. С. Демин. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 820 с.

ISBN 5-9551-0073-3

Коллектив авторов — преподавателей МГУ и научных сотрудников ИМЛИ — совместными усилиями создал новый тип исследования в виде пособия по древнерусской литературе. Это не университетский учебник с набором сведений, необходимых студентам для ответов на экзаменах и зачетах, хотя и для такой прагматической цели предлагаемая книга очень может пригодиться. Это — аналитическое исследование, содержащее развернутый анализ древнерусских литературных памятников и в первую очередь отвечающее на вопрос, для чего памятники писались, в чем был их смысл. Главное в данном исследовании — в относительно доступной форме обосновывать характеристики древнерусских произведений, раскрывать систему доказательств, приводящих к тем или иным выводам, а не безапелляционно сообщать эти выводы в готовом виде. Научное мышление доказательными причинно-следственными связями вырабатывается с большим трудом, и в этом деле публикуемое исследование может оказаться небесполезным.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитическое пособие

Издатель А. Кошелев
Зав. редакцией М. Тимофеева
Корректор Е. Зуевская. Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет подготовила Л. Гоготова
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 11.02.2008. Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Academica. Усл. печ. л. 66,11. Тираж 1000 экз. Заказ № 8998.

Издательство «Языки славянских культур». № государственной регистрации 1037789030641.
Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

© Авторы, 2008

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Предисловие (А. С. Демин)	9
Глава 1. Произведения на темы мировой и русской истории	11
«Хроника» Георгия Амартола (А. С. Демин)	13
«История Иудейской войны» Иосифа Флавия (А. А. Пауткин)	18
«Повесть временных лет» (А. С. Демин)	24
«Киевская летопись» (А. А. Пауткин)	45
«Слово о полку Игореве» (А. С. Демин)	55
«Галицко-Волынская летопись» (А. А. Пауткин)	71
«Слово о погибели Русской земли» (А. С. Демин)	83
«Повесть о житии Александра Невского» (А. А. Пауткин)	96
«Задонщина» (А. С. Демин)	103
«Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году» (А. А. Пауткин)	112
«Хронограф 1512 года» (А. С. Демин)	119
«Сказание о Мамаевом побоище» (А. С. Демин)	126
«Повесть о разорении Рязани Батыем» (А. С. Демин)	132
«Книга Степенная царского родословия» (А. С. Демин)	136
«Казанская история» (А. С. Демин)	142
Повести о Смутном времени (М. А. Коротченко)	150
«Повесть об Азовском осадном сидении» (Д. С. Менделеева)	204
Повести о начале Москвы (Д. С. Менделеева)	213
Глава 2. Произведения на житийно-биографические темы	221
Жития Николая Чудотворца (О. В. Гладкова)	223
«Житие Алексия человека Божия» (О. В. Гладкова)	230
«Синайский патерик» (О. В. Гладкова)	236
«Житие Евстафия Плакиды» (О. В. Гладкова)	257
«Сказание о Борисе и Глебе» (А. М. Ранчин)	273
«Житие Феодосия Печерского» (А. М. Ранчин)	283
«Киево-Печерский патерик» (А. М. Ранчин)	299

«Сказание об убиении князя Михаила Черниговского и боярина Феодора» (А. М. Ранчин)	315
«Житие Стефана Пермского» (А. М. Ранчин)	321
«Житие Сергия Радонежского» (А. М. Ранчин)	339
«Житие Иоанна Новгородского» (А. М. Ранчин)	348
«Житие Михаила Клопского» (А. М. Ранчин)	355
«Слово о Меркурии Смоленском» (А. М. Ранчин)	363
«Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма (О. В. Гладкова)	372
«Повесть об Ульянии Осорьбиной» (Д. С. Менделеева)	397
«Повесть о Соломони бесноватой» (Д. С. Менделеева)	405
«Житие» протопопа Аввакума (Д. С. Менделеева)	409
Глава 3. Произведения на нравственно-религиозные и церковно-устроительные темы	421
«Хождение Богородицы по мукам» (В. М. Кириллин)	423
«Слово о Законе и Благодати» Илариона (В. М. Кириллин)	427
«Слова» и молитвы Кирилла Туровского (В. М. Кириллин)	436
«Слова» Серапиона Владимирского (В. М. Кириллин)	450
«Хождение» на Ферраро-Флорентийский собор (В. М. Кириллин)	459
Сказания о чудотворных иконах (В. М. Кириллин)	469
«Повесть о новгородском белом клобуке» (В. М. Кириллин)	475
«Просветитель» Иосифа Волоцкого (В. М. Кириллин)	483
Сочинения Максима Грека (Ф. С. Капица)	497
«Слова» митрополита Даниила (В. М. Кириллин)	507
Проповеди Симеона Полоцкого (Д. С. Менделеева)	515
Глава 4. Произведения на государственно-устроительные темы	521
«Поучение» Владимира Мономаха (А. А. Пауткин)	523
«Слово похвальное» Фомы (А. А. Пауткин)	532
«Повесть о Дракуле» (А. В. Архангельская)	538
«Большая челобитная» Ивана Пересветова (А. С. Демин)	543
«Домострой» (Д. С. Менделеева)	548
Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным (А. А. Илюшин)	557
Демократическая сатира (А. В. Архангельская)	573
Первые пьесы русского театра (А. С. Демин)	578

Глава 5. Произведения на житейско-мирские темы	607
«Пчела» (А. В. Архангельская)	609
«Повесть об Акире Премудром» (О. В. Гладкова)	613
«Моление Даниила Заточника» (А. А. Пауткин)	621
«Прение живота и смерти» (А. В. Архангельская)	627
Начало виршеписания (А. А. Илюшин)	633
Силлабическая поэзия: Симеон Полоцкий и другие (А. А. Илюшин)	648
«Апофегмата» (А. В. Архангельская)	672
«Фяцеци» (А. В. Архангельская)	682
«Великое Зерцало» (А. В. Архангельская)	690
«Римские деяния» (А. В. Архангельская)	699
«История семи мудрецов» (М. Ю. Люстров)	706
Приключенческие повести (М. Ю. Люстров)	710
Повести о рыцарях и о купцах (М. Ю. Люстров)	723
«Повесть о Горе-Злочастии» (А. С. Демин)	738
Глава 6. Произведения на мироописательные темы	745
«Шестоднев» Иоанна Экзарха (О. В. Гладкова)	749
«Физиолог» (А. В. Архангельская)	758
«Хождение Агапия в рай» (В. М. Кириллин)	763
«Послание Василия Калики о рае» (В. М. Кириллин)	767
«Хождение» игумена Даниила (А. А. Пауткин)	773
«Сказание об Индийском царстве» (А. С. Демин)	783
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина (О. В. Гладкова)	795
«Луцидариус» (А. С. Демин)	802
Список литературы (А. А. Архангельская)	808

Предисловие

Коллектив авторов — преподавателей Московского государственного университета и научных сотрудников Института мировой литературы — совместными усилиями создал новый тип исследования в виде пособия по древнерусской литературе. Это не учебник для университетов с набором сведений, необходимых студентам для ответов на экзаменах и зачетах, хотя и для такой прагматической цели предлагаемая книга очень может пригодиться. Это — аналитическое исследование, содержащее развернутый анализ древнерусских литературных памятников и, в первую очередь, отвечающее на вопрос, для чего эти памятники писались, в чем был их смысл. Главное в данном исследовании — в относительно доступной форме обосновывать характеристики древнерусских произведений, раскрывать систему объяснений и доказательств, приводящих к тем или иным выводам, а не безапелляционно сообщать эти выводы в готовом виде. Научное мышление доказательными причинно-следственными связями вырабатывается с большим трудом, и в этом деле публикуемое исследование может оказаться небесполезным.

Герменевтический (семантический, «смысловедческий») подход к памятникам лег в основу нетрадиционной композиции данного исследования, где памятники сгруппированы по важнейшим сквозным, вековым темам (проблемам и предметам изображения) древнерусской литературы, а не формально и очень пестро по векам, как это обычно делается в учебниках. Тематическое деление, пожалуй, было больше свойственно древнерусской книжности, чем хронологическое или узко жанровое. Старые произведения могли оставаться актуальными и через века, а новые произведения вовсе не ценились — только за их новизну. Общая, преобладающая тема произведений преимущественно и определяла их другие стороны — жанр, стиль, язык и пр. — и собирала в тематические циклы произведения разных жанров и форм.

Опыт показывает, что проходящих через века сквозных тем было не так уж много и что наибольший объем древнерусской литературы составили произведения исторические — на темы мировой и русской истории, церковной истории и житийно-биографические (см. главы 1—2 данной книги). На втором месте стояли произведения, так сказать, обществоведческие — на темы нравственно-религиозные, церковно-устроительные, государственно-устроительные, житейско-мирские и приключенческие (см.

главы 3—5 книги). Наконец, на третьем месте по совокупному объему находились произведения мирописательные — на темы космологические, географические и естествоведческие (см. главу 6).

Разумеется, в реальности не все было так прямолинейно и четко. В произведениях могли сочетаться разные темы, и тогда отнесение памятника к той или иной тематической группе зависит от точки зрения исследователя. Тем не менее принятое деление произведений по преобладающим в них темам позволяет лучше увидеть многовековую эволюцию как основных тем, так и всей древнерусской литературы в целом. Правда, линии развития не всех тем удастся начертить с желаемой отчетливостью и бесспорностью.

Так как авторы данной работы заняты преимущественно литературной герменевтикой памятников и почти всегда их поэтикой, то и памятники для анализа отбирались, как правило, наиболее литературные, отличающиеся изобразительностью и экспрессивностью повествования. Упор на герменевтические разборы заставил авторов пособия сузить круг рассматриваемых памятников, иначе и так уже большая книга превратилась бы в многотомник. В частности, пришлось отказаться от анализа многих переводных памятников и сборников произведений. Монографические очерки о произведениях или творчестве отдельных писателей неизбежно получились разнообъемными, разножанровыми и разностильными — в зависимости от степени семантической изученности памятников и интересов их исследователей. В частности, под понятиями «поэтика» и «художественные идеи» или «художественная структура» произведения одни исследователи подразумевают литературно-изобразительные особенности памятников, а другие исследователи говорят преимущественно о богословско-символическом содержании сочинений.

Получился новый, еще очень не полный и пока только источниковедческий, набросок будущей истории тем древнерусской литературы, не отменяющий, но, надеемся, существенно дополняющий прежние обзоры истории литературы Древней Руси. Теоретического же заключения у книги нет: еще рано обобщать, пока подробнее не прослежены связи памятников внутри и вовне тематических групп.

Для большей доступности при чтении в предлагаемом пособии каждая глава начинается со сжатого вывода об истории развития той или иной темы в древнерусской литературе; характеристики произведений обозначаются подзаголовками; все цитаты из памятников приводятся по упрощенной орфографии и, когда нужно, с переводом, а библиографических ссылок не делается (вместо них см. «Список изданий памятников и научных работ» в конце книги). Более детальные варианты статей, помещенных в данной работе, желающие смогут найти в выпусках периодического издания «Герменевтика древнерусской литературы».

Глава 1

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ТЕМЫ МИРОВОЙ И РУССКОЙ ИСТОРИИ

«Хроника» Георгия Амартола

(А. С. Демин)

Произведения на исторические темы составили самый мощный пласт древнерусской литературы, начиная с ее появления. Фактографическое содержание этих памятников — грандиозно. Фактография в подобных памятниках всегда имела смысл, притом чаще всего смысл героический. Древнерусских писателей привлекала героика исторической жизни Руси, событий как трагических, так и радостных.

Героический пафос в древнерусских исторических сочинениях выражался несколькими основными способами. Почти для всех героико-исторических произведений Древней Руси были характерны открытое поучение, нравоучение, философствование по поводу описываемых событий. В течение XI—XVII вв. подобные приемы использовались в памятниках постоянно, хотя временами они отходили в тень, уступая первый план иным средствам передачи смысла текста (литературного смысла). Так, в XI—XIII вв. в некоторых древнерусских произведениях на исторические темы преобладали средства символики и иносказания и, соответственно, — широкомасштабная, едва ли не вселенская героика событий. В XIII—XV вв. некоторые сочинители пытались продолжить старые литературные традиции, создавая густые фразеологические компиляции из традиционных выражений и формул, отчего героика их произведений получалась несколько натянутой и искусственной. Наконец, в XVI—XVII вв. возобладало более живое и органичное средство — изобразительность, и героическое начало в повествовательных памятниках приобрело небывалую яркость и детальность.

Но вернемся к самому начальному периоду исторической темы в литературе Древней Руси. У истоков древнерусской литературы стоит византийское историческое сочинение, написанное на греческом языке около середины IX в., почти за полтора века до крещения Руси, — грандиозная «Хроника» Георгия Амартола, продолженная затем в X в. другим византийским историографом — Симеоном Логофетом. «Хроника» Георгия Амартола вместе с ее продолжением была переведена на Руси вскоре после крещения, в X — середине XI в., и перевод стал авторитетнейшим историческим трудом, заложившим основы древнерусского летописания.

Как это обычно принято для древнерусских произведений, «Хроника» в переводе (его ранний из дошедших до нас списков — пергаменная рукопись конца XIII — на-

чала XIV в.) не имела определенного, установившегося названия. Ведь обязательное заглавие произведения как явление поэтики сформировалось многими веками позже, а ранее варьировавшиеся названия произведения чаще всего содержали те или иные вступительные фразы самого памятника. Так и в древнерусском переводе «Хроника» называлась то «Временником» («Временникъ въпросто, от различных же хронографъ же и сказитель събранъ же и сложенъ Георгиемъ грешникомъ мнихомъ», то есть «Сжатое повествование о разных временах, выбрано у различных историков и рассказчиков и создано монахом Георгием Грешником»); то «Хроника» называлась «Книгами» («Книги временныя и образныя Георгия мниха», то есть что-то вроде нашего современного выражения «Многотомная книга Георгия-монаха о разных временах и случаях»); «Хронику» называли и «Хронографом», и «Летописаньем», и «Летовником». Мы, по сложившейся научной традиции, будем называть перевод все-таки тоже «Хроникой» Георгия Амартола.

«Хроника» Амартола вместе с ее продолжением последовательно охватывает колоссальный период времени — от Адама и библейской истории до истории Рима и Византии включительно. Изложение ведется по правителям, по царствованиям, а не по годам, и только в самом конце «Хроники» изредка начинают упоминаться даты, но вдруг историческое повествование обрывается на византийских происшествиях 948 г. — на Руси в это время правила княгиня Ольга.

Цели «Хроники» и ее древнерусского перевода. «Хроника» была создана Амартолом с нравоучительно-развлекательной целью, она содержала гигантское количество занимательных и поучительных рассказов, сюжеты их не повторяются и не поддаются какой-либо отчетливой классификации. Рассказы и наставления следуют друг за другом в неожиданной последовательности, попеременно: о благочестивых, мудрых, легкомысленных, безнравственных, странных, жестоких, злодейских поступках властителей; о заговорах, мятежах, убийствах, казнях; о сборищах, прениях, ересьях; о голоде, эпидемиях, болезнях, несчастных случаях, ужасных смертях; о великих строительствах, обретении святынь, разрушении идолов; о чудесах, исцелениях, воскрешении умерших; о волшебстве, бесах, посещении ада и т. д.

Для усиления увлекательности в этот конгломерат захватывающих рассказов регулярно (примерно через каждые десять-одиннадцать листов рукописи) введены описания страшных катастроф и стихийных бедствий. Возьмем, например, последнюю часть «Хроники», посвященную истории Византии и имеющую свое заглавие — «Временник о хрестьянскихъ цесарехъ». Вот одно из характерных сообщений во «Временнике»: «Трусъ велии и страшень бысть, яко възбегнути морю далече... воде же възвративъшися и шедъши далече обычнаго своего места и потопи человекъ 5 темь... Одержимымъ же трусу бывшо... и к тому пропасти многы по местомъ различнымъ быша, яко страха ради в горахъ пребывати человекомъ» («произошло такое сильное и страшное землетрясение, что... море сначала отхлынуло далеко от берега... а потом вода прихлы-

нула назад, и устремилась далеко за обычное свое место, и потопила 50 тысяч человек... Так как земля была одержима сотрясениями... и к тому же в различных местностях появилось множество пропастей, то страх заставил людей спасаться в горах»). Помимо землетрясений и сопровождавших их ужасов (в том числе зловещего скрежета с небес, страшных пожаров, нашествия невиданных животных), «Временник» регулярно извещал о прочих впечатляющих явлениях природы, внезапно вмешивающихся в жизнь людей: «И звезда явися велиа (огромная) на западней стране света, выпсрь (вверх) испуцаа луча... — быша по всему миру народовластия (бунты) и убиство много... И за мало пакы (вскоре) солнце без луча светяше, яко луна, — крамоли же, и недужи, и умертвие большею не престаяху (несчастья же, и болезни, и смерти непрестанно нарастали)». Или следовали другие приключения: «Змии же бе превеликъ... погубляше зело живущая въ граде дохновенымь (дыханием) своимь». Или еще: «Паде же тогда попелъ (пепел) с небесе на керемиды (на плиты) подобно крови»; «и бысть ветеръ, глаголемый (называемый) буря, дунув пакы (подряд) трикраты зело, потрясе же и поколеба дома же и церкви, яко всем бегати (так что всем пришлось убежать) в места беспокровнаа (открытые), глаголюще: "Кончина есть всеа вселенная"».

Но «Временник» все-таки больше удивлял, чем пугал читателей своими рассказами о необыкновенном: «И жена некая... явися гиганьтородица (гигантша), преимущи възрастьмь всякого человека высокаго лакоть единъ (ростом на полметра выше любого высокого человека)»; «жена детищъ роди въ Константине граде безъ очию и без руку, въ чресла ему бе рыбни хвостъ... два детища родистася, единъ о четырех ногах, а другии о двою главу»; «детища два мужеску полу сраслася, изъ единого чрева ишедша» и т. п. Иногда историческое повествование прерывалось описанием диковинного животного: «Коркодиль зверь есть велии (крупный), купно же и рыбы (вроде рыбы) от главы даже и до хвоста и образъ хрыпта его яко чрънь камень есть (и спина его выгладит как черный камень)... и хвостъ ему велии остръ (и большой хвост его остр)... изострень, яко терние (в колючках, как терновник)... и биет темь, на ня (на кого) же гневается, и многы творить язвы» и пр. В «Хронике» Амартола подобрано неисчислимое множество сюжетов, поражающих воображение.

Однако перевод «Хроники» был предпринят вовсе не для развлечения. Язык перевода так сложен и невразумителен, что заставляет предполагать не столько неопытность переводчиков, сколько их обращение с самыми серьезными намерениями к этому произведению. И действительно, древнерусские летописцы к «Хронике» Георгия Амартола относились как к важному источнику исторических и этнографических сведений, особенно по истории славянства и Руси.

Упоминания о славянах и Руси появляются только в конце «Хроники», их немного и они отрывочны. Хронисты Георгий Амартол и Симеон Логофет сообщали лишь о случаях влияния славян и русских на военно-политическую обстановку в Византии.

О славянах встречаются три более или менее содержательных упоминания. Во-первых, сказано, как византийский цесарь Юстиниан II в 691 г. использовал македонских славян: «из нихъ же избра воа тысящъ 30, ихъ же нарече изрядныа воа (выбрал 30 тысяч воинов и назвал их гвардией)». Во-вторых, рассказывается о большом восстании 822 г. под руководством некоего «старца» Фомы Славянина, который «въ Византию подвижесе, цесарствие с коварствиємъ не достоина желая» («покусился на Византию, коварно и недостойно стремясь стать цесарем»), он выдавал себя за сына византийской императрицы, а между тем это был «худородныи и неведомыи» («незнатный и неизвестный») человек. В-третьих, названы какие-то придворные «Гаврилович и Василиць, от словенъ сыи (родом из славян)», которые в 912 г. «зело разбогате, ис полаты (из казны) много начерпаса злата, глаголаша... многожды (много раз предлагали)... того Васицеца цесаремъ поставити», а законного цесаря оскопить.

Ничего хорошего об этих славянах византийский хронист не сообщает. Так, показано, что напрасно византийский цесарь надеялся на храбрость своей македонской гвардии — она вся во время битвы греков с арабами перешла на сторону сарацин. Упоминаемый далее Фома Славянин нанял сарацин и тцился даже взять Константинополь, но его в конце концов схватили и казнили, «усекнув же ему руже и нозе». От придворных же интриганов «Гаврилича и Василица» тоже избавилсь.

В конце «Хроники» — во «Временнике» — дважды рассказывается о Руси, то есть о нападении русов на Константинополь, причем хронист отличает русов от славян и поясняет, что русы происходят «от рода варяжеска» — от варягов. Один рассказ повествует о походе двухсот русских кораблей на Константинополь в 860 г., другой — о походе уже десяти тысяч кораблей в 941 г. О русах тоже ничего хорошего не говорится. Хронист указывает на «разбоиничьство» и жестокость «безбожных руси»: если в первом рассказе они «много убиство христианомъ створиша», то во втором — русы даже гражданских пленников «овех растинаяху (одних распинали), ины же к земли присекиваху (других же рассекали до земли), другыа же яко стража поставляюще стрелами стреляху (третьих же, расставив как мишени, расстреливали стрелами); елико ратному чину изъимаху (а взятым военнопленным), опако руже связавше (руки связав за спиной), гвозди железны посреди главы въбиваху имъ». Но, несмотря на жестокость, русы неизменно терпели поражение: в одном случае русские корабли разметало и разломало бурей, «яко мало от них (так что мало кто из русов) от таковыа беды избегнути (смог избежать такого бедствия), и въ своаси с побеждениємъ възвратишася (и они побежденными вернулись домой)»; в другом случае сами греки «плькы русскимъ лодиамъ раздруши и устроеномъ огнем много сжже, многы же лодиа обратишася на бегъ» («строй русских кораблей рассеяли, и многие из них сожгли огнеметамми, а остальные обратились в бегство»), «яко убоавшимся им» («потому что испугались»). В общем, о русах и славянах хронист повествовал примерно так же, как о других варварах или о сарацинах.

Отрицательный тон сообщений византийских хронистов о славянах и русах не оттолкнул древнерусских любителей истории. Напротив, они в перевод «Хроники» ввели даже кое-какие исторические дополнения. Например, в рассказ о походе русов в 860 г. были вставлены имена русских предводителей: «Русь на Костянтинь град идут, Аскольдъ и Дирь»; а потом в древнерусской летописи летописец подробнее пояснил, кто это такие. Когда же летописцы пересказывали остро нужные им сведения из «Хроники», то они существенно смягчали ее антирусский тон, а в результате включали Русь в тысячелетия мировой истории и многовековую христианскую традицию.

Потребность увидеть и утвердить достойное место новой, крещеной Руси в мире побуждала древнерусских книжников X—XI вв. к великим переводческим делам: ведь в тот период ими были переведены и отредактированы и другие византийские хроники, а также исторически важные сочинения, изложение в которых вплотную доходило до времени Руси или Руси касалось. Вот отчего даже в переводе «Жития Николы Мирликійского» появились его русские чудеса, в переводном «Хождении Богородицы по мукам» были вдруг упомянуты славянские языческие божества — Перун, Велес и др., в переводе историко-предсказательного «Откровения» Мефодия Патарского вставлено указание на половцев и т. д. В оригинальных же древнерусских произведениях XI — начала XII в. идея вхождения Руси в обширный христианский мир разрабатывалась открыто и усиленно, — достаточно напомнить о «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Хождении» игумена Даниила по святым местам Палестины, «Повести временных лет» Нестора. Развлекательная сторона «Хроники» Георгия Амартола осталась у древнерусского книжника невостребованной.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия

(А. А. Пауткин)

Весьма примечательным свидетельством освоения изобразительно-символических литературных средств в условиях соприкосновения древнерусской книжности с античным наследием явился перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Это произведение историографа первого века нашей эры, попавшее на Русь через Византию, пользовалось большой популярностью в средневековой Европе. Перевод осуществлялся с греческого языка в эпоху, когда оригинальная литература Киевской Руси только еще формировалась. Большинство исследователей связывают его с XI — началом XII в., правда, старейшие списки произведения датируются лишь XV столетием. Древнерусский перевод «Истории» сохранился в двух редакциях: Хронографической, читающейся в так называемых Архивском и Виленском хронографах, и Отдельной, где отсутствуют более двадцати начальных глав.

Автор и его книга. Рожденный в Иерусалиме, Иосиф сын Маттафии происходил из знатного священнического рода. Он стал предводителем галилейских повстанцев, сражавшихся против римлян, которые к тому моменту уже более столетия хозяйничали в Иудее. В годы юности Иосифа Иудея превратилась в провинцию Римской империи. Иудейские цари утратили былое могущество, и вся полнота власти в провинции сосредоточилась в руках прокураторов. События Иудейской войны (66—73 гг. нашей эры) начали разворачиваться в годы правления императора Нерона. В результате длительной кровопролитной борьбы сопротивление было подавлено. Победоносные римские легионы возглавляли Веспасиан Флавий и его сын Тит, овладевший в 70 г. Иерусалимом и разрушивший его главный храм. В честь этой победы в Риме была воздвигнута триумфальная арка.

Уже в июле 67 г. военное счастье отвернулось от Иосифа. Он руководил многодневной обороной Иотапаты. Когда защитники города стали изнемогать от усталости, римляне, благодаря сведениям, полученным от перебежчика, одержали верх. Легионеры Веспасиана ворвались на улицы Иотапаты. В захваченном городе началась резня. Многие из обороняющихся, не желая попасть в руки римлян, кончали жизнь самоубийством. Иосиф вместе с уцелевшими защитниками города укрылся в неприметной пещере, но вскоре был обнаружен врагами. Большинство его сподвижников предпочло смерть.